

Шэнь Нянь.

Даже само имя звучало так, будто было наполнено прекрасными воспоминаниями.

Триста картин, хранившихся в поместье Нолан, составляли лишь малую часть его работ. За последние несколько лет в свободное время Шэнь Нянь написал больше тысячи портретов — и на всех был один и тот же человек.

Глаза маркиза Нолана были чёрными, словно тушь, глубокими как бездна. И среди многочисленных украшений Ши Ханя никогда не было аквамаринов.

Но человек на картинах всегда смотрел чуть в сторону, опустив глаза, и в их глубине проступала синяя бездна моря.

Однажды Ши Хань спросил об этом.

Шэнь Нянь мягко улыбнулся:

— Художественному произведению нужна особенность. Иначе чем оно отличается от фотографии?

Ши Хань счёл объяснение вполне разумным.

После случайной встречи и помощи в трудную минуту маркиз Нолан со временем привёз Шэнь Няня в свою страну.

Нравы в Срилане были консервативными, и вокруг него сразу начались пересуды. Чтобы дать ему законное право жить в стране, Ши Хань обручился с Шэнь Нянем, одним шагом подняв его из простолюдинов в знать.

И лишь после смерти узнал: человек на картинах никогда не был им.

Это была «белая луна» Шэнь Няня — его недостижимая любовь юности.

Тот человек был холодным, сдержанным, словно жемчужина, скрытая на дне глубокого моря.

А маркиз Нолан — врождённо гордый и необузданный аристократ, регент, который никогда не показывал эмоций и не позволял понять свои мысли.

Слова «глубоко любил» теперь звучали для Ши Ханя самой злой насмешкой.

— ...Редкость повышает ценность. На рынке сейчас находится не больше сорока работ господина Шэня. Говорят, лучше всего ему удавались именно портреты, так что их инвестиционный потенциал очевиден...

Сладкий голос аукционистки будто доносился из-за нескольких световых лет.

Во рту у Ши Ханя стало горько.

На миг ему показалось, что он снова среди снега и льда, а кости и кожа рвутся и срастаются заново.

Внешне юноша сохранял полное спокойствие.

Под чёрным плащом ногти впились в ладонь до крови.

Маркиз Нолан погиб — и всё, что имело к нему отношение, после смерти стало ценнее, чем при жизни.

Всё, кроме Шэнь Няня.

Но бесконечные ставки снизу только сильнее подчёркивали абсурд происходящего.

Через некоторое время после смерти Ши Ханя Шэнь Нянь почему-то не отправился искать ту самую «белую луну», о которой думал столько лет.

Вместо этого он вступил в брак с Цзян Чэнчжоу.

Всё наследство, полученное от Ши Ханя, стало его приданым — и одновременно первым капиталом, на котором канонический герой построил своё возвышение.

Без такого количества денег и связей даже главный герой с сюжетной удачей не смог бы быстро собрать армию.

№213 попыталась утешить:

«Дорогой, мёртвых не вернуть. Прими соболезнования».

Ши Хань презрительно ответил:

— От меня даже пепла не осталось. Как ему жить дальше — его дело.

«Вообще-то привычка формируется за двадцать один день. Чтобы отказаться от человека, тоже может хватить двадцати одного».

Ши Хань: «...»

[С таким талантом утешать людей неудивительно, что у неё каждый хозяин в итоге чернеет сердцем.]

[Кажется, я начинаю понимать, зачем Ши Хань хотел функцию изменения лица.]

[Сочувствие.jpg]

Хотя лицо у Ши Ханя выглядело мягким и почти нерешительным, с детства он очень чётко делил любовь и ненависть.

Чужое его не интересовало вообще.

Но и к тому, что он считал своим, никому прикасаться не позволял.

Если «судьба» утверждает, что этот человек ему не принадлежит — хорошо, он откажется.

Но страну, которую он собственными руками удержал от распада, с какой стати отдавать кому-то ещё?

Под капюшоном Ши Хань холодно усмехнулся.

«Клинок Срилана», который вырубил себе дорогу из самого узкого тупика, никогда не был

хорошим человеком в привычном смысле.

И эти люди — включая ту самую белую луну — лучше бы действительно не попадались ему в руки.

Иначе он превратит их в решето.

Несколько глубоких вдохов помогли загнать кипящие эмоции обратно.

Маркиз Нолан был довольно известен в межзвёздном обществе, а любовная страшилка с Шэнь Нянь успел обмануть немало наивных слушателей.

«Аристократ в розовом саду» быстро поднялся с начальной цены в двадцать тысяч звёздных кредитов до миллиона пятисот шестидесяти тысяч, а в итоге ушёл за два миллиона шестьсот семьдесят тысяч.

Первый лот продали удачно, и атмосфера в зале заметно оживилась.

Ши Хань успокоился и заметил: сам Бамонд за торгами внизу вообще не следит.

Купец держал руки перед собой, сжимал кулаки и постоянно крутил кольца на пальцах — явный признак тревоги.

Лоты один за другим уходили новым владельцам. После первоначального потрясения от картины Ши Хань всё больше думал лишь об одном: с кем именно Бамонд привёл его встречаться?

Человек в отдельной ложе до сих пор не сделал ни одной ставки.

Аукцион продолжался четыре часа, с одним перерывом посередине.

Стоило Бамонду сделать шаг вперёд, как охранник вырос перед ним стеной.

— Куда?

Купец натянуто улыбнулся:

— Господин говорил, что хочет взглянуть на этого ребёнка. Я его привёл.

Охранник холодно ответил:

— Ждите. Господин не говорил, что будет смотреть сейчас.

Улыбка на лице Бамонда дёрнулась, но он послушно отступил.

На форме охраны не было герба, определить сторону не представлялось возможным. Связи между имперскими домами переплетались словно гигантское дерево власти, и даже Ши Хань не знал каждую лозу на его стволе.

Чем дальше шли торги, тем более редкими становились лоты.

Улыбка аукционистки делалась всё ярче:

— Итак, боевой мех CBVR-698 приобретён покупателем с планеты Усо за шестьдесят семь

миллионов девятьсот тысяч звёздных кредитов!

Внизу прокатился приглушённый гул.

Технологии вооружения находились под жёстким контролем имперских военных. Покупатели участвовали анонимно, и только на чёрном рынке пограничной планеты осмелились бы открыто торговать подобным товаром.

С предметами закончили.

Теперь начиналась продажа «питомцев».

Разновидностей звероловцев существовали тысячи, а некоторые редкие виды законом запрещалось держать в качестве домашних животных.

Ради межзвёздного экологического баланса Империя подписала мирные соглашения с несколькими более мирными племенами звероловцев.

Но запреты плохо работали, когда высшему свету хотелось необычных игрушек.

Например, викторианские венценосные голуби относились к голубеобразным и носили на голове хохолок, похожий на павлиний хвост. Их тела были красивого сапфирово-синего цвета. Эти звероловцы любили искать пищу группами, но постоянно умудрялись «кидать голубя» своим спутникам — то есть не приходить на встречу. В итоге многие буквально голодали и вид оказался под угрозой исчезновения.

Ещё существовали саблезубые тигры — кошачьи звероловцы, главной страстью которых было... тискать людей. Они собирались группами и отправлялись обнимать людей так настойчиво, что жители приграничья боялись выходить из домов.

Империя однажды выслала их за пределы территории.

После этого саблезубые тигры массово впали в депрессию и даже потеряли желание размножаться, так что численность резко пошла вниз.

Это был один из немногих видов, способных сражаться с драконами на равных. Их двадцатисантиметровые клыки легко пробивали драконью плоть и кости.

Исследователи звероловцев предлагали регулярно отправлять добровольцев, чтобы больших кошек можно было потискать, но и этого оказалось мало.

Каждый год находилось несколько саблезубых тигров, которые сами разыскивали браконьеров и позволяли продать себя людям в качестве питомцев.

Правда, кто в итоге чей питомец, никто толком не понимал.

Повадки звероловцев отличались невероятным разнообразием.

Но в последние годы любимцами высшего общества безусловно стали русалы.

— Русалы живут в глубинах морей. Это те самые прекрасные создания из древних сказок и один из самых красочных видов звероловцев... — аукционистка говорила уже несколько часов, но энергии в её голосе не убавилось. — Для начала позвольте ознакомиться с данными этого взрослого экземпляра.

Русалы были амфибиями. По соображениям безопасности целый бассейн в зал не перевозили.

Четырёхмерная проекция развернула другую картину.

В аквариуме звериной арены внутри замка по поверхности воды плавали куски льда. На бортике полулежал почти безжизненный русал. Серебристо-белые волосы доходили до бёдер, переливающийся голубой хвост медленно двигался в воде.

Он, похоже, дрожал от холода.

Покупатели сразу зашептались.

Из всех звероловдей русалы были больше всего похожи на людей. Верхняя половина тела, если не считать острых ушей, практически ничем не отличалась. По разуму они тоже приближались к людям, зато характер у них был крайне недружелюбным.

Холоднокровные существа часто были такими.

Зато если несколько часов держать русала в ледяной воде, он изо всех сил будет пытаться выбраться на берег. Жалкий, беспомощный вид отлично возбуждал у покупателей желание «спасти» красавца.

Жалость и нежность тоже можно монетизировать.

Аукционистка попросила помощника вывести официальное фото.

Шумный зал вдруг странно затих.

Даже через занавес Ши Хань почувствовал, что сидевший в ложе человек изменил позу.

Юноша невольно усмехнулся.

Русалы славились исключительной красотой, поэтому аристократы гонялись за ними особенно охотно. Формально их разрешалось держать как питомцев. Цена была раздутой до безумия, но спрос всё равно превышал предложение.

Ши Хань перевёл взгляд на проекцию — и зрачки резко сузились.

Улыбка застыла на лице.

Русал смотрел вниз. На левом заострённом ухе виднелась маленькая выемка. Мокрые волосы прилипали к щекам, а весь его облик был холодным, словно серп луны на горизонте.

Если смотреть только на черты лица... он был похож на Ши Ханя на семьдесят-восемьдесят процентов!

А привычка опускать взгляд, избегая чужих глаз, почти идеально совпадала с выражением человека на портрете!

Тишина продержалась всего мгновение.

А потом зал взорвался, словно в раскалённое масло плеснули воду.

— Два миллиона!

— Два с половиной!

— Три с половиной!

— Пять миллионов!

Цена взлетала как ракета. Когда сетевой покупатель назвал пять миллионов, зал замолчал на несколько секунд, но затем ставки снова поползли вверх.

И вдруг в воздухе прозвучал спокойный голос:

— Семьдесят миллионов. Он мой.

Даже опытная аукционистка вспотела.

Семьдесят миллионов за одного русала — дороже боевого вооружения!

Обычная рыночная цена русала составляла около полутора миллионов. В истории торгов ещё ни один не уходил дороже четырёх миллионов.

Аукционистка всё ещё не могла прийти в себя, когда в наушнике раздался спокойный приказ:

— Продолжайте.

Она словно очнулась, мысленно ответила «да, господин» и снова надела профессиональную улыбку.

— Есть ли в зале или среди сетевых участников желающие превысить ставку в семьдесят миллионов?

Нет.

Конечно нет.

Только идиот стал бы перебивать такую цену.

Даже когда молоток подтвердил продажу, Ши Хань продолжал неотрывно смотреть на лицо в проекции.

На его лице одно выражение сменяло другое.

[У него язык пророческий, что ли?]

[Чёрт, о чём он думает? Я не могу прочитать!]

[Сейчас переведу: враг рядом, но ничего сделать нельзя. Печаль сильнее смерти сердца.]

[О-хо-хо.]

По тону систем было совершенно понятно, насколько им весело наблюдать за драмой.

№213 кашлянула и осторожно сказала:

«Дорогой, посмотри с хорошей стороны. Тебе уже не придётся лично превращать его в решето. Свободы у него больше никогда не будет».

Ши Хань: «...»

Выходит, Шэнь Нянь не отказался искать белую луну — просто не смог её найти.

Поэтому уничтожил все портреты в поместье, а окружающие приняли это за доказательство безутешной любви к погибшему жениху.

Русалы были единственным видом зверолов, который невозможно было приручить.

Они отличались гордостью и яростным характером. Большинство предпочитало убить себя, лишь бы не попасть в плен. Те, кого удавалось поймать живыми, считались среди сородичей уже сравнительно «мягкими».

Но и это было не всё.

Испуганный русал мог попытаться убить себя, одновременно запев странную песню. Слушатели постепенно теряли рассудок и сходили с ума.

Несмотря на такую опасность, аристократы не могли отказаться от острых ушей и рыбьих хвостов.

Русалам вводили деградиционную сыворотку, навечно оставляя в форме морских существ и лишая способности говорить.

После чего держали в огромных стеклянных аквариумах как чисто декоративных питомцев.

Аукционистка снова улыбнулась:

— Поздравляем барона Рафаэля! За семьдесят миллионов звёздных кредитов он приобрёл чистокровного русала. Наши сотрудники доставят покупку в резиденцию господина сразу после окончания торгов.

Зал загудел.

— Только аристократ может позволить себе такую ставку!

— Говорят, семья барона контролирует целую энергетическую планету. Вот это размах!

— Боже, я сегодня действительно увидел настоящего аристократа...

Люди один за другим задрали головы, надеясь увидеть лицо знатного покупателя.

Но кроме зеркального стекла ложи не увидели ничего.

Бархатная штора отодвинулась.

Из ложи вышли двое молодых мужчин. Уже по походке было ясно, что к простым людям они отношения не имеют.

Это выражение — «я стою выше всех, потому что я лучший в мире» — Ши Хань в прошлой жизни носил примерно такое же.

Мужчина в дорогом костюме, с миниатюрным пистолетом на поясе и мрачноватыми глазами был бароном Рафаэлем.

Рафаэль — титул.

Настоящее имя — Хэ Линьвань.

Ши Хань знал ещё одну вещь: в будущем этот человек попытается захватить власть.

Второй юноша явно немного побаивался его, хотя говорил по-родственному близко:

— Кузен, тут так интересно. Может, вернёмся попозже?

— Нет, — холодно ответил Хэ Линьвань.

Юноша надул губы и больше не спорил.

Тут Хэ Линьвань заметил людей у входа в ложу и нахмурился.

— Кто их сюда пустил?

Совершенно забыв, что перед началом аукциона сам небрежно бросил: «Ну приведите, посмотрю».

Охранник почтительно выступил вперёд:

— Господин, это тот синеглазый полукровка, который вас заинтересовал.

О Бамонде он даже не упомянул.

Улыбка купца окончательно застыла.

Хэ Линьвань бегло посмотрел на Ши Ханя. Его взгляд задержался меньше десятой доли секунды.

Он презрительно фыркнул:

— Не похож.

Ши Хань даже не снял капюшон, так что барон видел лишь небольшой участок лица в полосе света.

— Ты же хотел посмотреть звериную арену? Время ещё есть, покажу.

Хэ Линьвань дошёл до выхода и, не оборачиваясь, приказал охраннику:

— А этого бросьте на арену.

Его молодой родственник даже растерялся.

Но следующее движение кузена удивило ещё сильнее.

Барон внезапно остановился, словно вспомнив что-то, повернулся, снял с пояса миниатюрный пистолет, неторопливо снял предохранитель, передёрнул затвор — и выстрелил вспышкой электрически-синего света.

На втором этаже не раздалось почти ни звука.

Толстое тело Бамонда просто рухнуло на пол.

Его глаза остались широко раскрыты — словно до самой смерти купец так и не понял, чем провинился.

Хэ Линьвань после выстрела сразу ушёл.

Хэ Линьлан потрясённо прикрыл рот ладонью.

— ?!

Ши Хань тоже слегка поднял подбородок от неожиданности.

Взгляд Хэ Линьлана скользнул по нему, задержался на красивых ярко-синих глазах — и юноша вдруг понял.

Он сочувственно сказал:

— Какая жалость. Мой кузен больше всего ненавидит голубоглазых.

<http://bllate.org/book/22489/2372990>